

63.3 (2P36)

У68

уральский

следопыт

№12 *** 1978

через зал ресторана, вышла на веранду, откуда открывался вид на Волгу, села за столик и сказала:

— Здесь любил отдыхать Горький...

Екатерина Павловна долго сидела, задумавшись, смотрела в глубь аллеи, словно ждала, что оттуда, из-за кустов акаций появится двадцатисемилетний Иегудиил Хламида в черном плаще-крылатке, в черной широкополой шляпе, с большой суковатой палкой в руках, которой он отбивался от самарских хулиганов — «горчишников», нанятых купцами, чтобы избить фельетониста. Они нападали на него, когда он возвращался домой поздно ночью. Но на другой день в «Самарской газете» снова появлялся фельетон, критикующий городскую управу, заводчика Лебедева, эксплуатирующего детский труд.

На встрече в областной библиотеке Екатерине Павловне задали такой вопрос:

— Почему вы разошлись с Горьким?

— А я не знала, что он будет такой знаменитый, — пошутила тогда Екатерина Павловна в ответ на не тактичный вопрос.

Да, конечно, она шутила, потому что знала, как рано пришла к А. М. Горькому слава. А. М. Горький, где бы ни жил, в России или за границей, никогда не терял с ней связи, постоянно заботился о семье, посылал подарки из Америки.

У Пешковых было двое детей — Катя и Максим. Катя умерла очень рано, когда А. М. Горький жил в Америке. Он писал Екатерине Павловне, что у него было предчувствие чего-то тяжелого, страшного, и вот — умерла дочь.

Максим был талантливый молодой человек. Он владел несколькими европейскими языками, хорошо рисовал. Как-то он написал рассказ «Лампочка» и послал его в редакцию, подписал «М. Пешков». В редакции получили рассказ, посмотрели подпись «М. Пешков» и решили, что его автор М. Горький и напечатали рассказ. Молодой Максим шутил:

— Ну, папа, славы мне у тебя не отобрать, ты хоть гонорар отдай мне.

М. Пешков несколько раз выполнял правительственные задания, ездил в качестве дипломатического курьера в Германию и Италию. Он участвовал в октябрьских боях в Москве. Но вот когда он добровольцем вступил в Красную Армию и хотел пойти на фронт, этому воспрепятствовал В. И. Ленин, сказав, что его место — возле отца.

И Максим старательно выполнял этот совет В. И. Ленина. Он перепечатывал на машинке работы М. Горького, помогал ему вести огромную переписку. М. Горькому писали тысячи людей, и вся переписка с молодежью, пионерами была заботой Максима. Наконец, он был шофером у отца.

Екатерина Павловна прожила в Куйбышеве несколько дней и уехала пароходом «А. С. Пушкин». Она намеревалась на обратном пути снова побывать в Горьком и Казани и с речного вокзала послала телеграммы.

«Горький. Фигнер, З. Директору библиотеки Томасовой. Приеду... понедельник утром пароходом «Пушкин». Закажите два билета Москву. Пешкова».

«Горький. Оперный театр. Режиссеру Фрид. Приеду понедельник, скажите Диду, Маше. Вечером Москву. Пешкова».

«Казань. Музей Горького. Директору Елизаровой. Выезжаю пароходом «Пушкин». Пешкова».

Текст телеграмм она писала на случайных бумажках, которые нашла в сумочке. На телеграфе я их переписал на бланки и отправил. У меня остались автографы, а также несколько фотографий, где мы сняты вместе с женой А. М. Горького.

Незаконные журналы

**Владимир
РУШАНИН**

Первая русская революция потерпела поражение. 3 июня 1907 года царским манифестом была распущена II Государственная дума. Началась жесточайшая реакция. Число смертных казней в России в 1908 году в 21 раз превысило их число во всех остальных европейских странах, вместе взятых.

«Революционеров, — писал В. И. Ленин, — истребляют, пытаются и мучают, как никогда. Революцию стараются оплевать, опозорить, вытравить из памяти народа».

Но несмотря на страшные репрессии, революционная борьба продолжалась.

Уральские большевики, ведя в 1907—1910 годах работу в народных массах, уделяли серьезное внимание революционному воспитанию демократической молодежи. В эти годы в Екатеринбург, Оренбурге, Челябинске, Кунгуре, Вятке, Перми действовали объединенные незаконные ученические организации, а во многих средних учебных заведениях существовали марксистские кружки. Из среды учащейся молодежи Урала в 1907—1910 годы вышли такие замечательные революционеры, видные партийные и советские работники, как А. И. Парамонов, З. Ф. Осколкова, С. А. Кривая, М. Н. Бычкова, А. И. Гребнева, С. А. Анучин, И. В. Теплоухов, М. Н. Князев, И. В. Попов, М. В. Котомкин и другие.

В учебных заведениях Урала выходили незаконные журналы. В центральных и уральских архивах найдены сведения о 16 незаконных журналах, которые выпускались в

Перми, Уфе, Вятке, Кунгуре, Екатеринбурге, Оренбурге, Нижнем Тагиле, Красноуфимске, Глазове, Тюмени. Неравномерно они распределены и по годам: на 1907 год приходится 10 журналов, на 1908 год — 4, на 1909-й и 1910-й — по одному.

Одни журналы, например, ижевский «Товарищ», пермские «Наши думы» и «Ученический журнал», сохранились целиком, другие — екатеринбургский «Единение», кунгурский «Ученический журнал», вятский «Рассвет» — частично. О нижнетагильском журнале «Современник», уфимском «Учащийся», красноуфимском «Луч» нам известно лишь из жандармских сообщений.

Журналы учащихся носили ярко выраженный политический характер. «Ученический журнал», выпускаемый в 1907 году в Кунгурском техническом училище, по сообщению полиции, «призывал к замене общественного строя социалистическим с уничтожением частной собственности на орудия производства».

Учащиеся, причастные к выпуску журналов или даже замеченные в их чтении, исключались из учебного заведения, их арестовывали, ссылали в Сибирь. Ученик красноуфимского реального училища, будущий советский писатель В. Юрезанский был в ноябре 1907 года исключен из училища, арестован и сослан в Иркутскую губернию лишь за то, что при обыске жандармы обнаружили у него номера нелегального журнала «Луч». В феврале 1908 года из вятского духовного училища были исключены И. Попов и Г. Ложкин, уличенные в выпуске рукописного журнала «Наша жизнь».

Журналы печатались, как правило, на гектографе, тираж их был невелик — 10—20 экземпляров, объемом — 20—30 страниц. По конспиративным соображениям фамилии сотрудников и корреспондентов не указывались. Однако достоверно известно, что огромное влияние на редакции оказывали большевики. Так, одним из организаторов екатеринбургского журнала «Единение» была член РСДРП, ученица женской гимназии З. Осколкова. В выпуске «Ученического журнала» в Перми участвовала член РСДРП, 17-летняя ученица женской гимназии В. Ми-

хайлова. В 1908 году учащиеся татарских школ Уфы печатали нелегальную газету под руководством Г. Ибрагимова, впоследствии крупного писателя, ученого, общественного деятеля. В журналах часто публиковались материалы, критикующие школьные порядки. «Современная школа, — писалось в екатеринбургском журнале «Единение», — имеет целью не воспитывать, а вывести нас в «люди», как это обыкновенно говорится, выработать, вернее, вышколить из нас покорных, молчаливых рабов и слуг самодержавного царя».

Журнал вятских учащихся «Рассвет» в одном из номеров за 1907 год подчеркивал эту же мысль: «Основой всей нашей школы служит стремление выработать (мы не можем употребить другого слова) из воспитанников людей с узким, до крайней степени односторонним взглядом, людей, не умеющих рассуждать, беззаветно преданных и послушных велению высшей власти».

В передовой статье майского номера «Гимназического журнала», выпускаемого в Оренбурге в 1907 году, подчеркивалось, что реформа средней школы возможна лишь после свержения самодержавия.

В обстановке массового уныния, упадка революционных настроений со страниц молодежных журналов раздавались страстные призывы: «Товарищи! Будьте же людьми времени и революции! Пусть единение будет грозной силой для борьбы, а борьба для завоевания своих прав и прав всего народа».

Однако реакция выбрасывала из революционного лагеря все колеблющиеся мелкобуржуазные элементы, которые примкнули к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество. Среднюю школу буквально захлестнула волна самоубийств. За пять лет, с 1907 по 1912 год, только в мужской и женских гимназиях Оренбурга покончило жизнь самоубийством 12 человек. Ученица уфимской женской гимназии А. Кольцова осенью 1910 года писала в предсмертной записке: «В гимназии убили все мои идеалы. Не могу больше жить, потому что всюду господствует одна несправдлив-

вость. Всюду царствуют одни только богатые, мы же, нищие, должны быть подлецами, чтобы выйти из нищеты. Я не могу так, лучше не жить в этом проклятом базаре».

Журнал пермских учащихся «Наши думы» объяснял «упадок интереса к жизни наступившей в России реакцией, говорящей о необходимости бороться за политическую свободу».

В журналах содержалась резкая и аргументированная критика религии. Ижевский «Товарищ» в 1909 году признавал, что уже давно многие учащиеся не верят в бога, «перестали питать чувства рабства, страха и покорности». Журнал призывал учащихся прислушиваться не к голосу попа, а к голосу разума, человеческой совести. А этот голос зовет «на беспощадную, тяжелую борьбу с ненавистной жизнью, к великой борьбе света с тьмой, к борьбе с дворцами, чтобы был мир бедным хижинам».

Ученические журналы — интересный и ценный памятник подпольной революционной печати, сыгравшей важную роль в воспитании молодежи в годы реакции.